

ГОЛОСЪ * НИЖЕ-ГОРОДЦА.

Еженедельная газета. Девизъ газеты: „СВОБОДА и ПОРЯДОКЪ“

Подлинная цена:

Въ годъ съ доставкой на годъ — 3 р. 0 к., 6 мѣс. 1 р. 75 к., 3 мѣс. 90 к.

Иногородная съ пересылкой на годъ — 4 —, 6 мѣс. — 2 р. —, 3 мѣс. — 1 р. —.

Адресъ редакціи: Е. Перцева, д. быв. Иварскаго, кв. № 9.

Телефонъ телеграфіи № 2—20.

Плата за объявленіе по соглашенію

Отдѣльнымъ № 10 к.

В ПЕРЕДЪ!!! *

Подъ двухцвѣтнымъ флагомъ.

(Открытое письмо В. М. Пуриковича русскому обществу).

„Дѣлать разнѣ я между собою и объ ожиданіи ее мучить жребіемъ!“

Г. Керенскій кричитъ: „Револьюція въ опасности!“ — а какъ говорю — гибнетъ наша Россія! І.

Родина моя! Великая и еще такъ недавно могучая и славная Россія! Кто сказалъ бы годъ назадъ тому, что дерзкій врагъ посмѣетъ говорить о твоёмъ раздѣлѣ, а, между тѣмъ, возмите любую вѣнскую современную газету и въ каждой изъ нихъ вы найдете рядъ статей о „раздѣлѣ русскаго наслѣдства“, о будущемъ Литвы, Украины, Кавказа, благословеннаго юга нашего, предначинанію для безудержной вѣнской колонизаціи постъ разгрома насъ вѣнскими, и наконецъ, о границахъ будущей Белороссіи, которая, по плану Гога-Сноподлерова, должна захватывать и въ предѣлахъ русской земли брестскіе Ивана Калиты.

Родина моя! Неужели мы должны дожить до позора, до уаеса твоей гибели отъ рукъ безумныхъ, толкающихъ тебя въ пропасть небытія, разлагающихъ тебя живую и, въ плакѣ смерти погребющихъ нагики благословенную свободу, завоеванную твоими народамъ въ жестокие дни военной брани?

„Миръ безъ аннексії и контрибуцій“ — въ отвѣтъ вѣнцамъ наступило кричитъ русская чернь за продажныхъ жоками своими изъ числа героевъ Совѣта раб. и солдатъ депутатовъ, отказываясь отъ шутки не убогаго мѣсяца.

„Миръ безъ аннексії и контрибуцій“ — вотъ отвѣтъ на безумствъ русскихъ, а преступныхъ теневыхъ силъ, стремящихся услышать вниманіе русскаго общества ко всему происходящему внутри Россіи и исканію смѣлы и цѣль той войны, которая на самомъ концѣ своего побѣдоноснаго окончанія, должна привести насъ не къ порабощенію, а къ унасенной гибели.

И растетъ, негодная въ сердцахъ русскихъ гражданъ, нарастаетъ злоба противъ гагаера разрухи въ кругу той среды даже, которая еще такъ недавно вѣрила въ творческія силы русской революціи и въ ядреный смѣлъ его поднятнаго народа.

„Съ его, ведуще насъ къ гибели, гдѣ пути спасенія“ — вотъ крикъ, раздающийся сейчасъ по всей Россіи и мучительно требующій отвѣта теперь, теперь, пока еще не поздно.

Гдѣ русская армія? — Нѣтъ ея! Поидите въ окопы и вы увидите вооруженную толпу, растленную обрывками политическыхъ ученія, неспособную ни къ оборонѣ ни къ наступленію въ большой своей числѣ.

Показайте въ тѣхъ-— въ столицѣ, крупныя орода русскіе — и вы увидите не парочка, а ченъ, живущую мыслию и грабежажъ и на-

сплѣткъ, втоптаннымъ въ грязь трехцвѣтное, старое русское знамя! Злобные гены и вояки анархія, алчущіе всю Россію мутной волной своихъ ученій, подлили свое двухцвѣтное ямя, вѣдуще не къ разуму, а къ инстинктамъ толпы; змяя краснаго штыка и чернаго Черновскаго передела.

II.

Въ дни величайшихъ государственныхъ потрясеній нельзя строить илджий и не пристало жить мечтамъ. Россія не имѣетъ правительствъ, въ ней отсутствуютъ органы власти, всѣ классы ея общества предоставлены самимъ себѣ и находятся въ извѣстныя, права и закона.

Правительствомъ называется та власть, которая способна карать виновныхъ, кто бы они ни были, въ какой бы группѣ населенія они не принадлежали. Правительство называется такая власть, у которой слово находится въ полномъ соотвѣстствіи съ дѣломъ и не способно повиснуть въ воздухѣ жеманъ, замкомъ, просящимъ, возмущающъ и пугающимъ, а между тѣмъ, стоитъ присесть къ русскій дѣлительности — и что же видишь? Видишь власть беззубую, видишь власть трусливую, видишь власть искательно-просищую въ тѣхъ случаяхъ, когда приходится говорить съ растленными анархій народными змями и съ тѣмъ, что называется сейчасъ русская армія на фронтѣ.

Что такое правительство странѣ до сихъ поръ въ смыслѣ водворенія порядка? Съ чѣмъ другимъ, кроме убавціи, угворовъ и просьбъ, обращалося оно къ нарушителямъ присяги и гражданскаго долга? Не дошло ли преступленіе въ Россіи, во имя свободы, до высшихъ предѣловъ беззаканности?

Воякскія чины, сѣдивающія и истязавшія своей командной составъ, полки и дивизіи, отказывающіеся не только идти въ наступленіе, но и смирять въ положенные дни своихъ толпѣмъ группы нашихъ войскъ и въ пыломъ видѣ въ часъ браннаго служанія лучшими средствами вѣнской развѣдки; рѣлы мучоуей проволочи передъ батареями нашихъ въ цѣляхъ защиты русской артиллеріи отъ своей же цѣткови, грозящей поднятъ на штыки артиллеристовъ, не допускающихъ браннаго и обстрѣливающихъ вѣнчмъ въ часъ ихъ выхода къ намъ для этой цѣли изъ окоповъ съ фотографическими аппаратами въ рукахъ, беззачемный рядъ запрещеній производнаго развѣдочнаго машинъ охотничьяго, запрещенія, выносимыхъ ратными и волочными комитетами съ угрозою, какъ ихъ нарушителямъ и, наконецъ, изданіе въ окопахъ русскій спецнальныхъ *Окопныхъ Газетъ и Пріодъ*, съ призывами къ миру и независимости власти команднаго состава, — что встрѣтило все это со стороны русскаго правительства? Какъ покорины военнымъ министромъ, летящимъ съ фронта на фронтъ и приносящимъ рѣчь „товарищамъ“, вечащій-

ніе отъ конхъ исчезаетъ въ моментъ его отъ-ваза для новыхъ призывовъ на новые мѣста?

Что сдѣлано для водворенія порядка и дисциплины? Приняты ли мѣры устраниенія, единственныя, способныя воздѣйствовать на толпу и отрезвить коллективное сумасшествіе народныхъ массъ? Что сдѣлано? Ничего. Просьбы, угворы, убавціи, безчисленное количество стопп испанской бумаги ушло на правительственныя воззванія, на разъясненія и ноты, — вотъ, этого работы того правительства, задача кою закритишъ добытыя народамъ для Россіи свободы и не давъ возможности буйной черни покрывать страну потокомъ крови въ часъ приближающейся къ намъ анархія.

Оно учитъ говорить, однако, языкомъ власти, это трудное правительство и оно говоритъ такимъ языкомъ, но съ чѣмъ? Съ тѣми, которые былые еще сейчасъ оскорблены, унижены, опозорены и нуждаются въ духовной поддержкѣ этого самаго правительства въ интересахъ спасенія русской арміи.

Какъ настояній трусъ, способенъ глумиться и третиовать только слабого, перестъ сильнымъ обращаться и сильному дѣла, — такъ и русское правительство нашихъ дней провалеть волею вымужель и гворитъ языкомъ власти и силы только съ офицерскимъ составомъ русской арміи, находя жестокие кары для ея команднаго состава въ тѣ часы, когда этотъ командный составъ, утративъ авторитетъ въ кругу своихъ солдатъ и офицеровъ, благодаръ поустытельству со стороны органовъ начальныя воинскія тыловой власти и полковой бездѣтельности ея, обращается къ ней съ требованіемъ мѣры, возмѣстивъ иду, покорности и исполнениости въ нѣмыхъ словахъ, убавціи и призывамъ къ патриотизму, утихоу въ народѣ и арміи тѣснорной пропагандой безответственнхъ теневыхъ силъ!

На самомъ дѣлѣ, чѣмъ иначе, какъ не беззачемнѣ власти вызвать ухоль ряда блестящихъ генераловъ дѣйствующей арміи на шей, извѣрившихъ въ возможность что-либо исправить на фронтѣ, при той безудержной слѣдѣ позавій со стороны правительства, которая едлажа ело иргущую въ рукахъ черни! Развѣ имена вырощенныхъ за борть генераловъ: Ратко-Дмитрова, Брусилова, графа Келлера, Леонидова, Лема, Гурко, Драгомира, Юленя и Мышляевского, адмирала Колчака и предателики убитыхъ ямъ Непенина и Эрлема ничего не говорятъ сердцу и уму русскаго человѣка? Чѣмъ, наконецъ, какъ не тѣснорнымъ давленіемъ петроградскаго совѣта рабочихъ депутатовъ вызванъ ухоль верховнаго главнокомандующаго генерала Алексѣева, столь беззачемно преланнаго слуги истерпанной родины нашей и мучажаго какнхъ-либо людей родины теневы, крохотъ одного, сплать, укрѣпять русскую армію и повести ее къ побѣдѣ для спасенія Россіи?

Есть ли что-либо позорнѣе за послѣднее время, чѣмъ этотъ остракизмъ русскій, возмущающъ сознаніемъ своего народа и добивающъ въ трудныя дни своей ответственности власти иго кому же отъ власти плохо оспѣдомленной объ истинномъ положеніи дѣтъ на

* Письмо это было написано мною 3 мѣсяца тому назадъ, но, несмотря на крайній усилья мои, и налепачать его въ дни „Свободы“ не могъ, ибо печатать его запретило Совѣтъ Р. и С. депутатовъ и въ трехъ телеграфическихъ послѣдовательно товарищахъ разборахъ заборъ.

фронтъ, одного — духовной поддержки и подучивших камень выбросить хлеба въ свою протниную руку?

Или все это—стороники старого режима? Тогда не стѣсняйте!—урядите Россію, ибо самый фактъ ея существованія можетъ показаться вамъ сплошнымъ напоминаніемъ о реакціи и возбудитъ подозрѣнія ваши въ ростѣ того, что является для насъ самымъ страшнымъ пугаломъ—въ ростѣ контръ-революціоннаго движенія!

III.

Если вы—правительство, то смѣйте говорить языкомъ власти не со слабыми, а съ сильными, или, по крайней мѣрѣ, съ тѣми, которые считаютъ себя силою въ Россіи нашихъ дней и претендуютъ на роль корячкого рудника Государственнаго корабля.

Поставьте на свое место Совѣтъ рабоч. и соед. депутатовъ, расчистите изъ насъ носителей развухи и дв-ствленія, начавъ съ Петрограда, пока это граждане русские, согласны, не съключаютъ самъ, чего жалеть уже нелого на мѣстахъ. Неужели вамъ не понять того, что претензіи власти вашей и авторитетъ ей падать съ каждымъ днемъ роста и вліянія тѣхъ силъ, которыя, не имѣя ни умственныхъ, ни моральныхъ, ни повеченныхъ данныхъ, возносятся въ гору, творя лишь дѣло разрушенія?

Страна глубоко демократическая, Россія должна имѣть въ составѣ своего правительства людей изъ народа, и когда угонимся море политическихъ страстей и слово „законъ“ у насъ не станетъ звучать нахвѣшкой, когда дюною провозу будетъ поставленъ конецъ, народъ долженъ видѣть на верхахъ правящей власти людей своей среды, людей, близкихъ своему изображенію и способныхъ обновить государственн. строй родины на широкихъ демократическихъ принципахъ.

Но люди изъ народа, въ составѣ правительства должны быть облечены доверіемъ всей страны, должны знать жизнь своего народа, его бытъ, исторію его прошлаго и не являться проходчиками, ибо только это можетъ служить порукой обновленія русскаго государственнаго строя на здоровыхъ началахъ національнаго развитія!

Временное Правительство, призванное къ жизни въ часъ настика и бури, родившееся ненормально, само собой разумеется, не является выразителемъ общественнаго довѣрія, ибо не этимъ довѣріемъ дышну въ гору; но боямы условія современной действительности заставляли заглядывать глаза на пути, коница става великая русская власть.

Sum cui que.—Каждому свое; изъ страны, демократич. въ мірѣ, изъ демократическаго строя, который управлялся бы волею только народа и работало въ интересъ народности, презрѣние и ненависть даже къ Петроградскому Совѣту раб. и соед. депутатовъ на фронтѣ съ каждымъ днемъ увеличивается въ ярче и ярче. „Петроградскіе дохляки“,—вотъ прозвище, данное этимъ господамъ во многихъ поляхъ на фронтѣ, а у насъ ужасъ положенія усугубляется тѣмъ еще, что даже и не солдаты и не рабочіе ведутъ современную Россію,—что дѣнь ото дня все болѣе и болѣе подырая престижъ правительственной власти, а темные, слѣпые и разномысленные элементы, коници кишить. Совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ и тѣ въ рабочи коросковти облеченшіе полунтедгентами изъ класса помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ, земскихъ статистиковъ, ветерановъ, агрономовъ, страховъхъ агентовъ и разстриженныхъ поповъ, которые въ революціи наши съѣли хлѣбъ и възяли путь къ обрѣту подл. привилегій, лужены „земля“ и „вода“ состоятъ подл-стач. рабочими и мастеровыми своего особаго пѣха,—пѣха личнаго матеріальнаго благополучія.

Правительство не смѣетъ закрывать глаза на все это, оно обязано встать во всеоружіи своего авторитета власти во имя упрековъ въ

Россіи той свободы, которая должна быть для русскихъ гражданъ синонимомъ права, которая должна обезпечивать имъ порядокъ и не вызывать въ народной массѣ сожалѣнія о этомъ, и рискованныхъ сравненій съ этимъ прошлымъ, что ждетъ насъ впереди въ томъ случаѣ, если провозомъ безответственныхъ силъ приведетъ къ окончательному параличу власти Временнаго Правительства, уже порванную и смятую подъ прессомъ Совѣта раб. и соед. депутатовъ въ Петроградѣ, насчитывающихъ въ рядахъ своихъ болѣе трехъ тысячъ къ труду неспособныхъ или отбившихся отъ всякаго труда человѣкъ, безъ опредѣленныхъ занятій, но въ нѣкоторой, и въ оченъ значительной своей частіи съ весьма опредѣленными аппетитами.

IV.

Не время сейчасъ, въ тяжелыя минуты, переживаемыя родиною, искать виновниковъ того состоянія, въ которомъ очутились она: судъ безпристрастной исторіи дастъ одѣвку людямъ и событіямъ настоящихъ жестокихъ дней, вѣдающихъ сейчасъ Россію къ путямъ униженія и позора, но и теперь уже ясно, что не сила крайнихъ революціонныхъ теченій привела насъ къ той бѣдѣ, на краю которой мы находимся, а та неорганизованность русскихъ общественныхъ массъ государственнаго порядка, которая такъ ярко оказалась съ первыхъ же дней революціи и повела къ захвату власти въ отечествѣ нашими тѣмъ элементомъ, который способенъ только на дѣло разрушенія.

Тотъ часъ, когда требовалась неустанная, созидательная работа, когда все закомыхлось и только ваяющая рука и мощный голосъ могли бы призвать страну къ спокойствію и порядку,—этотъ часъ русское общество проспало; оно канувъ для него въ вѣчность безвозвратно разстелаясь, оно слало всѣ свои позиціи тѣмъ, которые меньше всего могли расчитывать стать хозяевами положенія, если бы цѣль Россія бытъ бы организованною ратью, способною не только къ насивной оборонѣ, но и къ претензивному наступленію. Увы!—это не оказалось и у власти стояя они, О, какъ они заработали!

И вотъ въ тотъ часъ, когда въ Россіи разразилась революція и когда лучше русскіе люди оказались, въ силу своей неорганизованности, несостоятельными для успѣшнаго и мирнаго окончанія левыхъхъ передъ ними новыи отвѣтственныхъ, государственныхъ задачъ, они всѣ, аннигилированные, съ флагомъ „свобода“ вышли изъ своего мрачнаго подполья и развили ту бѣшеную работу разрушенія, коей до настоящаго времени русское общество не успѣло еще поставить твердыхъ и непереломныхъ преградъ.

Свобода рывала на нѣтъ пути, смитъ прошлаго исключало возможность нѣтъ отпора; а демократическіе лозунги нѣтъ и программъ, валили потоки денегъ народныхъ въ изъ тѣхъ социалистическія массы.

Кто перечтетъ сейчасъ ту бездушу комиссію, которую образовалъ Совѣтъ соед. и раб. деп. во всемъ отразилъ общественной и государственной жизни для дѣла пропаганды своихъ идей; но это не комиссія бюрократическихъ органовъ власти старого режима, это не комиссія, создаваемая общественными организациями культурныхъ классовъ, съ государственнымъ складомъ ума, таиъ работа по сей день,—увы!—носила и носитъ характеръ чернильной дѣлопроизводства, а дѣсь вслѣкъ вновь создаваемый органъ разрушенія власти и лояльности проявляетъ буйную энергію и летитъ, о сѣбѣ въ самыхъ отдаленныхъ углахъ Россіи.

Трудней путь отомать утраченное и упорнѣе понимание значенія истинной свободы въ народныхъ низахъ тѣмъ, которые должны приступить къ дѣлу своего объединенія подл демократическ. мечетъ террора социалистич.

скихъ и революціонныхъ партій, преобладающихъ съ мѣста самыя слабыя попытки отдаленныхъ государственно-настроенныхъ единицъ и группъ въ взаимной спайкѣ въ дѣлахъ положить конецъ разгулу страстей народныхъ, все глуже и дальше заливающимъ Россію.

Но при всѣхъ тѣхъ положеніяхъ оно не безвыходно, оно носить въ себѣ зародки расцвѣта новой русской, здоровой государственности, ибо оплывенные рабизмаи своего утѣха разрушители понесли отечество наше въ карьеръ подл гору и съ каждымъ днемъ, если не разумъ народный, то инстинктъ національнаго самосохраненія долженъ повелительно подкашивать Россію, какъ ей нужно дать отпоръ внутреннимъ врагамъ ей надл пропастью пошлаго существованія.

Всѣ ужасы положенія настоящаго дня заключаются не въ захватѣ власти крайними революціонными силами, а въ пересѣчкѣ ихъ значенія и мощи русскимъ обществомъ, оторваннымъ отъ безудержной наглости тѣхъ, которые рванулись и стали у кормила русскаго государственнаго корабля.

Россія страдаетъ отъ отсутствія организованныхъ протестовъ всѣхъ классовъ населенія противъ шапки проходившей, въ действительности трусливыхъ, но сильныхъ тѣхъ, молчаишь общества.

Не слѣдуетъ забывать, что Стеклово—всего лишь Нахаместъ, что Зиновьевъ всего лишь Арефабуаумъ, что Троцкій—всего лишь Броштейнъ, что Каменевъ—всего лишь Гиммеръ, что Горевъ—всего лишь Гольденбергъ, что Ларинъ—всего лишь Лурье!

Во тѣ часъ, когда русское общество мы, соко поднимать свою голову, когда оно загораживаетъ языкомъ власти, силы и государственнаго разума, величье выст. къ террору велики безумствамъ анархія, свѣтловытъ отъ того, что русская общественная мысль представляла, съ собою какабине, а не бурный истоникъ живой воды, способной оздоровитъ болную родину и вывести ее на истинный путь демократической свободы и общественнаго порядка.

Не быть политическимъ трусомъ—вотъ главная задача, стоящая сейчасъ передъ лучшими людьми Россіи, не числиться въ Никодимахъ—вотъ путь къ ея спасенію!

VI.

Въ минуую величайшей государственной разрухи, когда поставлено на карту существованіе Россіи, когда подполно, захватывая правомъ добравшись до власти, क्रомаетъ странниці нашего историческаго кружева, толкая насъ въ пропасть тѣбна и небытія, куда дѣваться мы, здоровыи силы народа! посланіе престоавленія, дворянствъ, дворянствъ русское, посланіе дѣлу съгласнаго сословій родной землѣ? Почему не слышно голоса вашего, почему оторопѣлише, забитые и загнанные сидите вы по полнымъ угламъ, давая просторъ разгулу страсти тѣхъ, которые свѣжуютъ на вашемъ молчаніи, растутъ въ дерзновеніи на вашей трусости и покрываютъ мутьнымъ потокомъ своихъ тлетворныхъ учений всю землю р-сскую, готовя намъ, странниці безпрестанныхъ униженій въ кругу Народовъ міра въ недалекомъ грядущемъ.

Васъ всѣхъ—отъ крестьянина-собственника, пахара, до родовитаго князя Рюриковича, васъ всѣхъ зовутъ (уржувая) темныи силами, терроризовать Россію.

Да, вы не падони, слышавшие вверхъ въ дѣл гражданскаго водовороту, средѣ васъ не найти героевъ, наживавшихся отъ народной кофляки въ годину военныхъ буръ и мяждокофляки въ предлѣтніи, текущи событія, быть можетъ, привезутъ въ васъ къ власти, къ свѣдѣ, почету и не поставятъ въ яды передоныхъ борюица а свободу народа, по природѣ своей вы не способны, быть можетъ, къ смѣлнмъ порывамъ въ минуты общаго напри-

жизнью и подлинными требованиями настоящего русского солдата, который сдвигает Россию не страной, не государством, а частью сваяла.

Вспомните в духовный облик хотя бы некоторых из этих самозваных солдатских вождей! Что обаяло имевших с русским солдатом какой-нибудь Ромь, — помешок присяжного повзвонга, являющийся инокловатер солдатских желаний на Рижском фронте? Какое отношение к русскому солдату имевт Позеры, бывший земский статистик, выносивший от имени солдат резолюции и требования на Минском фронтовом съезде и подпосылавший хорошо придуманные в партийных с.с.д. и с.р. собраниях политические программы въ утверждение плочко разбирательств в низе солдатской массе, уславивший себя, что свободный союзник безудержного провоза и съездо подписывавшей все ей подлинное послѣ зажитливших митинговых рѣчей на съездах в часы говорования тѣх же Позеровъ и Ромовъ.

Какое отношение къ русскому солдату можетъ имѣть Роваль — мальчишка, неврастеникъ, политический эмигрантъ, притянутый волнами революціи къ берегамъ Кроунштада, забравшись тамъ въ исполнительный комитетъ Совѣта солд. и рабоч. депутатов и говорившій съ русскимъ правительствомъ въ Петроградѣ отъ имени этого Совѣта, какъ равная величина?

Что общего имѣютъ всѣ эти люди и десятки и сотни имъ подобных, говорящихъ и предвѣщающихъ требованія отъ имени русскаго солдата, съ русскимъ солдатомъ, который имъ необходимъ только какъ темное орудіе для достиженія ихъ политическихъ цѣлей и осуществленія ихъ крайнихъ политическихъ программъ.

Общая между ними нѣтъ ничего, кромѣ защитной формы, съ той разницей и здѣсь, что солдатъ русскій, разсматриваемый ими какъ р. волюнционное мясо, сидитъ въ окопахъ, защищая родину, а всѣ они, его самозваные вожди, истолкователи его желаній, для своихъ цѣлей глубоко и безнадежно окопаны въ тылу и, не подставляя своей революціонной шкуры ни вражеской пули, ни вражескому штыку изъ-за животнаго чувства страха, живя въ на суточныхъ всякаго рода околдахъ, смотря по рагуи имъ занимаемыхъ должностей — генераловъ-отъ-революціи.

Въ меньшей степени, конечно, чѣмъ союзъ офицерскій, могутъ помочь родинѣ сейчасъ и выдвинутъ изъ своей среды крупныхъ активнѣйшихъ дѣятелей для водворенія въ Россію порядка и защиты истинныхъ въ западномъ смыслѣ демократическихъ свободъ отъ насковъ черныя программы.

— Этохъ людей называютъ либеральными профессіи въ Россіи, всегда отличавшихся большою духовною самостоятельностью, широкою инициативой и въ дни самого жестокаго гнета бюрократическаго режима не обращавшихъ въ лакейскъ власти, а сохранившихъ за собою лицо гражданъ, слугъ долга, не угашившихъ въ себѣ духа и не укладывавшихъ въ прокрустово ложе чиновничьяго формализма и его убогихъ з. даній.

И вотъ почему сейчасъ, когда все, что было государственнаго и благоумнаго въ Россіи, подъ напоромъ обстоятельствъ растерялось, заматало и забилось по угламъ въслѣдствіе своей разрознности и слабости своего духа, тѣ, которые эту слабость не отличаютъ, по характеру своей работы должны выдвигаться немедленно въ первые ряды борьбы дабы не дать черни зарѣ въ глубокую и надолго въ недалекомъ будущемъ ту завѣянную народомъ свободу, корня которой должны покоиться на прочномъ уваженіи къ понятіямъ „долгъ, право и порядокъ“...

IX.
Да, въ часы государственнаго развала,

когда правительства нѣтъ, когда власть сама себя упраздняетъ, когда въ средѣ ея находятся люди, разжигающіе классовую рознь, солдатовъ своего народа (министръ земледѣлія Черновъ) и потому первые заслуживающіе жестокаго осужденія и кары, когда слово солдатъ въ тылу становится, увяло — во многихъ частяхъ синонимомъ измѣннаго долгу, а на фронтѣ въ дѣловъ ряду распутническаго, покая и дивинъ ловажнаго дезертирства, когда въ п. а.а. широкое аступилъ народный сомосудъ, яскро показатель начала дѣя полнаго паралича правящей власти и безсилья закона, — въ такое время, въ такіе дни, не изверженіе митинговыхъ рѣчей передъ толпой народа и передъ рядами арій, не словесный соргисементъ воздуха, не оцмимъ плакатныя петроградскія процессы! — война до побѣднаго конца! (в. односторонне на военныя заводы восьмичасовой рабочей день и заводы заступаютъ измѣнающая жестокой недугъ народна не восторженнаго идеализма, засылаемъя родины истерическихъ доконпонтн, должеждъ держать бразды правленія, а въслѣдствіе мужь, способный твердыми мѣрами жестокой кары смирить всколхнувшее море народной страсти въ тылахъ и прекратитъ на фронтѣ проявленіе животнаго страха въ рядахъ той арміи, которая безволеимо, безнадежно правительствѣ и пропагандѣ темныхъ силъ стала въ большей своей части вооруженною орудіе преступнаго сброда и поазорьмъ страны, вые изъ украшеніемъ и гордостью въ теченіе мѣсяцъ въ войну родной исторіи!

„Существуютъ два способа усмирить взбунтовавшую армію: первый — распустить ее, а во до послѣдняго человека, — второй омытъ ее кровью виновныхъ“ слова эти принадлежатъ величайшему полководцу всѣхъ времемъ — Наполеону Бонапарту — и тотъ, кто знаетъ психологію русской народной массы и психологію русскаго народа, аязанго не въ отъѣлнхъ единицъ, а покомъ, — тотъ пойметъ, что другою выхода для возвращенія способности нашимъ частямъ, чѣмъ мѣра, указанная Наполеономъ, не существуетъ.

— И эта мѣра не потребуетъ вовсе даже покровъ кровя. Передъ лицомъ вѣншаго врага, крѣпнущаго духомъ на картинахъ разрухи русской арміи, армію эту распуститъ нельзя, а значить остается только одиеть путь къ оздоровленію, — и этотъ путь жестокой, бесподобной кары главныхъ вожаковъ ея разрухи.

„Я ненавижу тебя“, говорится въ одномъ изъ текстовъ священнаго писанія, „я ненавижу тебя, ибо ты не холодеешь и не горячи, а теплея“.

Въ наши дни теплымъ не мѣсто у власти и полюбивши Россію не спасте.

Нежеланное введеніе основныхъ принциповъ дисциплинарнаго устава французской республиканской арміи для арміи русской и возстано.леніе института смертной казни въ цѣльхъ прекращенія описанно не поддающихся безобразій въ столицахъ нашихъ, въ ближайшихъ къ арміи тылахъ и во всей Россіи, расплывающаея на части, — вотъ чего повелительно требуютъ у насъ событія сегодняшняго дня во имя спасенія родины.

X.
Выходите же, ступайте впередъ, организуйтѣсь на мѣстѣхъ въ дни политическаго и государственнаго комара, лучше русскіе люди родной земли!

Поднимайте выше священное знамя гражданской свободы, свободы западнаго образца въ дни всесоборной арміи, пусть его видятъ всѣ, и не да, но не злантающимъ грязью черни и кровью арміи!

Отбросьте уныніе и себлюбивыя мечты о собственномъ благополучіи, въ тиши и покой далахъхъ родныхъ угодъ и деревень!

Покой нѣтъ, не будетъ и быть его не можетъ, пока вы останетесь лишь зрителями,

наблюдая со стороны, — все происходящее и сторонясь отъ участія въ дѣлѣ духовной борьбы съ гасителями народнаго духа путемъ своихъ союзовъ.

Впередъ, лучше люди родной земли!
За нами будущее, оно въ рукахъ вашихъ, не продажной чернимести отечество наше, не ей затоптатъ великие, не ей, живущей мечтами о диктатурѣ, — диктатурѣ пролетариата, отразившаго похоронную тривогу надъ правдой въ тотъ часъ, когда зарыта и мхомъ поросшая, она была найдена и обложена потокомъ стихійныхъ живыхъ силъ себя нашедшаго русскаго народа!

Свободы свѣтъ забрежжитъ надъ Россіей, Грядущее отъ насъ сокрыто, но вы отивтены за дальнѣйшія судьбы родной земли, въ труднорской работѣ нашей — заложъ ее спасенія, въ бездѣлнхъ, порожденномъ уныніемъ вашимъ, — зачатки ея гибели!

Впередъ, лучшія силы родной земли, въ борьбѣ побѣда, въ духовной немощи развалъ пораженія, смерть и тлѣніе!
У рубежей нашихъ вѣншаго врага, исконный, смертельный врагъ полуобращеннаго славянства, у сердца нашего глубокая рана.

Спасенія нѣтъ со стороны!
Жизни или смерти?
Вотъ вопросъ намъ, вопросъ судьбы, не знающей пощадъ словолюбивымъ, сметающей навѣки слабодушныхъ, ибо право на жизнь имѣютъ одни лишь способные къ борьбѣ.

Впередъ, лучшія силы роднаго народа!
Впередъ, на подвигъ защиты авзановаго отъ ачлной орды разрушителей, ищущихъ личныхъ благъ въ дыму насъ охватывающаго пожара!

Впередъ, въ первые ряды духовныхъ борцовъ за блага истинной свободы. Побѣда за нами. Пусть труднее путь, пусть страшенъ путь, пусть грозенъ путь, онъ долженъ быть преодоленъ и пройденъ нами, — тотъ путь, что ясно виденъ вперед!

Впередъ, безъ колебаній, безъ унынія и страха, ибо нѣтъ счастья высшаго, чѣмъ счастье служить, терпѣть, страдать и гибнуть за идеалъ, за торжество родной святниа, а передъ нами она, эта святниа, обѣтая пламенемъ, жаждущая отъ насъ покаянія, молящая о спасеніи, отцами намъ завѣщанная для передачи не опозоренной дѣтвмъ и внукамъ нашимъ и святнѣйшій этой имъ —

Родина, Отечество,
Свободная Россія,
Впередъ!!! Впередъ!!!

(„М. В.“) V. Пуришевскій.

Н.-Новгород, 27-го августа 1917 г.

Свершилось то, чѣмъ предостерегали наши выдающіеся государственные дѣятели и верховный главнокомандующій. Пала Рига и при томъ съ такой стремительностью, о которой, вѣроятно, нѣтъ и не мечтали! Характерно, что отдала Ригу та самая 12-я армія, отступавшая отъ насъ на государственномъ съѣздѣ правнители которой на государственномъ съѣздѣ правнители горничъ и измѣняющій рѣчи въ защиту фронтовъхъ комитетовъ. Эта защита на страницахъ „Рижскаго фронта“ — органъ армянскаго комитета 12 арміи — передъ дѣла затѣмъ въ трагю генерала Корнилова, дѣшаго буюто бы „ложныя свидѣнія“ о положеніи дѣлъ на рижскомъ фронтѣ съ цѣлю „побольше ударитъ по немцамъ, задушатъ и исугутъ невольнаты въ цѣлѣхъ контр-революціи“.

Постыдное и преступное бѣгство „революціонной“ арміи во главѣ съ своими фронтовыми комитетами является нагляднымъ и, къ сожалѣнію, крайне жестокомъ донаказательствомъ вреда, который приноситъ эта организация. Составленные очевидно изъ лицъ, имѣющихъ сильнаго чувства долга, „революціонеровъ 1-го марта“, жалкихъ трусовъ, играющихъ на нивѣ

менших чувствъ толпы превращающаго народъ и солдатъ въ чернь, и не пользующихся никакимъ авторитетомъ въ глазахъ солдатъ—эти комитеты—глобный революционный нармъ?—должащій немедленно удалению. Но слѣбве и локтрикерское упорство однихъ и неаборобованность другихъ спасаютъ положение этихъ нововведенныхъ организаций и жестокие уроки и удары отымаются только на несчастной родинѣ, а они!.. ивуютъ на Петра и ищутъ виновниковъ тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ и быть не можетъ. Да, они правы, оппозиціи нмъ расти, но виновники они сами—эти неубожественные, самонадѣнные и часто преступные опричники нашихъ дней. Въ трагическомъ паденіи Риги явля бросается въ глаза и бездѣлность нашего батальона Блота—этой, по вымуженію болышевиковъ, красной горло русской революціи? Почему онъ не былъ тамъ, гдѣ онъ долженъ бы быть? Почему не оказалъ никакой помощи, когда могъ и долженъ былъ это сдѣлать? Причина лежитъ все тамъ же—въ полной деморализации флота, въ забвении родины, въ грубой животной эгоизмѣ, въ преступномъ попустительствѣ однихъ и въ измѣнѣ другихъ!..

Какую жеуюкую скудость национальныхъ и патриотичекихъ добродѣтелей проявила наша революционная демократія и ее вожди! Они вырбросили за бортъ то, что громко звучало всегда и вездѣ, при всѣхъ условіяхъ, у всѣхъ народовъ и всѣхъ странъ. Это—лагуна национализма. Во время реставраціи, воедь либераловъ, иен котораго вошли въ натѣхиснн всѣхъ западныхъ либеральныхъ партій, знаменитый Бенвенуа Константъ сказалъ въ одной рѣчи: „одно только снльно—только то, что национально; национализуйте же себя господа“. Ну, но не всѣмъ бы вѣстать съ своей рабой? говорить Этьенна Дромоа, „кто ищетъ противъ своей рабы, тотъ рано или поздно увидитъ, какъ противъ него встанутъ какой-то роковыя сокровенныя силы, которыхъ онъ не замѣтъ,—силы неподобныя, силы самой национальной природы“.

А у насъ? Опустошила душу русскаго солдата отъ всѣхъ духовныхъ цнностей, вытравила Бога, олевали и осмѣяли родину, подыняли антагониста интернациональн и въ черную годину войны и смуты опоярдили себя несъханными канниствомъ. Самоуверенно и спокойно подыдаютъ и проводятъ убійцы въ вражескаго стана въ локу родной матери. У всѣхъ народовъ даве во время тяжкихъ внутреннихъ междоубой, а не только предъ лицомъ врага, есть священное для всѣхъ и каждаго—это отечество. Это чувство было и у насъ въ годныя тяжкихъ испытанийъ 1612 и 1812 года, а теперь самыя жестокие удары наноситъ воинамъ-сннотамъ свои собственные ханы и туны Дьявола русской гибели—солдаты и захватили самую глубокую ябдору народного духа и народа, затупивши, въ слѣдъ политическихъ сектантовъ и натригитовъ, поозно бродитъ на распутии и отааетъ себя въ рабство разнымъ анонимамъ и неведомымъ. То дикій, безобразный рабъ, то дикій и мятежный десепт.

Спачаста Государство само разрушаетъ себя!.. говоритъ китайскій мудрецъ, „да поютъ уже его разрушаютъ иноземцы“. Векъ ужасъ, положеіиіи нашей родины въ томъ, что это разрушеніе идетъ съ обѣихъ сторонъ. Мы находимъ въ стадіи августороннаго разрушенія—разлагающаю родину сами, разлагающа еи и враги. Будущій историкъ Россіи не можетъ повторить про нашихъ революціонныхъ деятелей слова историка Фрейтага о революціонныхъ деятеляхъ Германіи: „пока революціонное правительство и общество, работая въ духъ национальнаго развитія отечества, создали изъ прежнихъ революціонеровъ самыхъ энергичныхъ и глубококомсающихся національныхъ деятелей“.

Гдѣ же выходъ и въ чемъ? Отъ диктуется самымъ ходомъ историческихъ событий. Развѣ методъ и система даннаго правительства привели къ такому небывалому развалу и краху, иначитъ и методы и дѣйствія не удовлетворяютъ своему назначенію. Ни въ одной странѣ Запада такіе дѣйства не могли бы и дня отахиваться у власти, или они ушли бы сами или ихъ смела бы нація. Все министерство, весь кабинетъ долженъ уйти, предоставитъ мѣсто другимъ. Въ составъ настоящаго временнаго правительства нѣтъ сднненія, идутъ споры о партійныхъ программахъ, лгузатъ, о защитѣ не родины, а только революціи. Такое правительство не можетъ сднвать всѣхъ и спасти госуарство.

Насліе надъ Церковью Христовой.

21-го августа Всероссийскому Помѣстному Собору изъ Почаевскаго Лавры телеграммой доноси, что въ Лаврѣ „мѣстной мншійей совершено насліе: замки и печати (у лаврской типографіи) сорваны, стѣна проломлена, типографія погружена на грузовыи и украинскыи милиціонерами подъ командой прапорщика Крамеренко отезвены въ Кіевъ для Украинскаго Рада“.

На Соборѣ за 184 подписанія внесено предложение войти во Временное Правительство съ протестомъ противъ такого наслія. Вмѣстѣ съ тѣмъ внесено предложение протестовать противъ незаконнаго захвата соборами р. и с. т. типографіи Лавры, предложеного Сергія и Синаволей, въ которыхъ печатаются теперь коопустивныя сочиненія.

Съ 15-го августа открылся Помѣстный Церковный Соборъ, это высшее Церковное Учрежденіе. Казалось, вмѣстелуству въ дѣла Христовой Церкви со стороны всевозможныхъ, расплывшихся, какъ грибы, соборовъ не должно быть теперь мѣста. Но на дѣлѣ поруганіе Церкви и вмѣстелуство въ ея дѣла произошло. 24 августа, между прочимъ, въ мѣстную духовную консисторію сваявался представитель этихъ соборовъ и навелъ справки о холѣ дѣла, касающаго Высокопреосвященнаго Іоанна, до сихъ поръ на въ чемъ не обвиняемаго, къ которому Св. Синодомъ недавно предписано выразвать всѣ епархіальныя дѣла. Представитель совета заявля, что советъ не допуститъ возвращенія архіепископа на ижегородскую кафедру. Т. обр. какой-нибудь советъ, состоящій изъ убогихъ и немилыхъ депутатовъ, ставитъ себя выше Синода и Церковнаго Собора.

Невольно спрашивается: когда же, наконецъ, кончится эта вакханалія и сойдеть съ общественной жизни та муза, которая хочетъ теперь заслонить собой истинное народное представительство?

Удаленный на покой харьковскій исполнителный комитетомъ архіепископъ харьковскій Антоній харьковской паствой своею избранъ на архіепископскую харьковскую кафедру. На Церковномъ Соборѣ высокотными архивархъ подылаживающъ болышинствомъ голосовъ избравъ первымъ товарищемъ председателя Собора. Съ горячими протестами противъ своего вынужденнаго удаленія съ занимаемой кафедры обратилъ въ Первовую Собору старецъ митрополита Макарія и архіепископъ владимірскій Алексій.

Среди печати.

Корреспондентъ „Кіевлянина“, рисуя возмутительную безпечность петроградскихъ жителей въ вержеваемое намиэтажде время, пишетъ такъ:

Родина гибнетъ—гуляющій городъ на рѣ-

кость безпечны, почти веселы. Въ модѣ концерты, гулянья. Столичная нация прижмается къ любому высокому поручу, опешаетъ его своею сугубой дѣловитостью, мажкерской юрсткостью, грошевой жертвою. Слѣбжего чловѣка невольно отакиваетъ биржевая шумоуха подъ патриотическыи флагомъ, иногда съ грустью сонаешая, что болышинство правы въ издѣлательствѣ надъ публикой Невскаго. Въ котри іюля три дня шла по Петеру уличная подписка на заемъ свободы.

Снова! разуратривные моторы, наблденныя опереточны дѣла даріла посылку подписавшимся свыше 1.000 руб., съ именьемъ Керенскаго, въ загородныхъ садахъ вймался въ кабинеты къ гуляшкамъ, треба купитъ билетъ или подаритъ посылка министру. Подылаживаю охладитѣ дѣтскіе молоты въ френчакъ организовавъ американске аукціоны, гдѣ рядомъ съ облигаціей займа разуратриваютъ открыткіи распустившихся свѣтлово, контролнри въ биффѣ, на создание фонда пострадавшихъ 3—6 июля казановъ. Бездѣлныи, мародеры, подкупотки-полупатронесн, биржевики, култъ съ желтой печатью убивать героевъ станицнчикоа стараются вытѣснить „своими людьми“, на Невскіомъ допились прически а-а до нечъ, въ опереткахъ, въ богатыхъ кабинетахъ-панталонахъ поются куплеты въ честь нашихъ казаковъ. Стытъ гуляшка обмывательница липкими потными пальцами давать чисте е чувство преклоненія предъ рыцарями долга.

Никогда Петербургъ такъ не пылывалъ въ карнажничалъ, какъ въ страшный часъ гибели Родины; играютъ на улицахъ, аномотъ торгуютъ отакрыто и въ чайникахъ, и въ фешенебольныхъ притонкахъ, поладить съ мншійей. На флорѣ обшей распустивности иже отгаиваются волнны отаханныхъ кружковъ; но героизмъ сднннхъ бесаеанъ рабуютъ гражданственности ипрюжающа на вулканѣ города, готелого поаозлодировать мученикамъ и сейчасъ-же изъ трагедій размырять гушевую карикатуру съ нотами; мы пахали“.

Да въ одномъ-ли Петербургѣ прошеодитъ безшабашный „пиръ во время чумы“? Оглянитесь кругомъ, посмотрите вокругъ себя, не то ли же самое творится? Ведай люди, забывъ Бога, честь, состояніе родины, пользуясь обстоятельствами, первако подъ личиной патриотизма, безжалостно грабятъ другъ друга, на несчастіе ближняго создаютъ свое благополучіе..

Съ духовнаго концерта.

Духовный концертъ, данный 15 августа въ гербовую залѣ Главнаго дома хоромъ Мироносцкой церкви, содержимымъ на средства известнаго ревнителя церковнаго благоубій И. П. Полкова, привлекъ незначительное количество публики, чему способствовали, воверные, дальность расположенія мѣста концерта отъ города и, во вторыхъ, дурная погода. Помимо того, конечно, надо учитывать и вообщее паденіе за послѣднее время равновѣснн общества въ области церковнаго бытія, столь аорозного сердцу истинно вѣрующаго православнаго христіанца. Таки называемая „пиррова“ публика предпочтаетъ использовать свободное время въ увеселительныхъ мѣстахъ, театрахъ, кинематографрахъ и т. п., куда устремляется массами.

Концертъ, въ программу котораго входили 6. ч. современныхъ композиторовъ: Мясникова, Богословскаго, Архангельскаго, Кастальскаго и др., прошелъ съ болышимъ успѣхомъ въ смыслѣ исполненія пѣснъ. Небольшой сравнительно хоръ, подъ управленіемъ регента Г. Неолоитанскаго, мѣстами достигалъ поднаго

совершенства в техническом отношении. При преобладающем направлении пиано, в соответствующих местах получались могучие аккорды фортецино, при чем переходы от пиано к форте и обратно совершались без рывка, скачком, так, обычных в исполнении некоторых даже известных исполнителей. Весьма удачно было выступление контрапункта г-жи Неополитанской в „Отче наш“ и „Всру“ . Обладая мелодичным, сильным голосом, г-жа Неополитанская в исполнении этих номеров обнаруживала незаурядный певческий талант, вкладывая с большим искусством в слова песнопений их глубокий внутренний смысл (напр. „распятого же за ны...“, „и страдаши и погребена“). Сбавляет также отметить выступление тенора г. Попова в песнях „Взгословае, душе“, Мисникова и „Блаженъ мужъ“. Архангельскаго. Голос у певца—хорош, но намъ кажется, что онъ слишкомъ силенъ для такого небольшого хора, вследствие чего получается впечатлѣніе несоответствія силъ между певцомъ и ансамблемъ...

Сторбное и въ высшей степени мелодичное пѣніе хора почти во всѣхъ исполненныхъ пьесахъ вызвало неподдѣльный восторгъ публики, среди которой было немало знатоковъ и любителей церковнаго пѣнія. Особенно сильное впечатлѣніе произвело на слушателей пѣснопѣіе: „Херувимская“, Капельскаго и „Достойно есть“, Ланге. Последнее, по просьбѣ публики, было повторено.

Отдавая должную дань уваженію регенту г. Неополитанскому, какъ за удачный подборъ пѣсней, такъ и въ особенности за умное художественное руководство хоромъ, пожелаемъ ему дальнѣйшаго преуспѣванія и совершенствованія въ своей дѣятельности на поприщѣ служенія дорогому, родному искусству.

В. Нащеровъ.

Кому живется весело.

Въ какомъ году—извѣстно намъ,
Въ какой землѣ—мы знаемъ всѣ,
На столбовой дороженькѣ
Сошлись семь мужиковъ:
Свободныхъ, необязанныхъ
Ужъ больше никому,
Распушевой губернии,
Уезда Непослушанаго,
Крикливо-Вуйной волости,
Изъ сѣмьянъ деревень:
Лѣтняева, Гуляева,
Шумилова, Грабилова,
Обдирина Нахрапова,
Неправдина села,
Сошлись и заспорили,
Кому живется весело,
Волгоотно на Руси?
Иванъ сказалъ: помѣщику,
Демьянъ сказалъ: чиновнику,
Лука сказалъ : попу.
Купчинъ толстопузому,
Сказали братья Глуповы
Романъ и Митрофанъ,
Старикъ Пахомъ потужился
И молвилъ въ замѣшательствѣ:
Конешно, чать, царю.
Царя таперя нѣтъ у насъ*,
Сказалъ мужикъ Тараса,
Ну, стало, выйдете Керенскій
Волгогетій всѣхъ живеть!
Скорѣй, чтобъ не обидѣтъ всѣхъ,
Поправился Пахомъ,
Мужикъ ирванъ, втемаятся
Въ башку какая блажь,
Коломъ ее оттудова
Не выбѣши: упираются
Всякъ на своемъ стойтъ.
Такой ли споръ затѣяли,
Что крестятся прохожие

И поскорѣ въ сторону
Спѣшать отъ мужиковъ...

По дѣлу всѣ по своему
До полдня вышли изъ дому:
Тотъ путь держалъ до кузницы,
Тотъ шель въ село сосѣдне
Купить себѣ гармонь;
Пахомъ грибы въ лукошечкѣ
Несъ въ городъ продавать,
А два брата Глуповы
Безъ дѣла, безо всякаго
На митингу пѣлись.

Давно бы нужно каждому
Вернуть своей дорогою—
Они рядкомъ идуть!
Идуть, какъ будто гонится
За ними стаеновой.
Идуть, бѣгутъ безъ отдыха,
Что даль—то скорѣй.
Идуть—перекорняются,
Орутъ—не образумятся;
А времечко летитъ.

За споромъ не замѣтили,
Какъ сѣло солнце за лѣсомъ,
Какъ вечеръ наступилъ,
Навѣрно-бъ, ночки цѣлую
Тотъ шил, куда не вѣдая,
Когда бъ имъ баба встрѣчная
Торговка-огуречница
Не крикнула: „товарищи!
Куда вы, на ночь гляючи,
Идудумали иди?“
Спросила, засмѣялася,
Ударила по лошади
И укадила прочь...
Куда? Переглянулись
Тужъ наши мужики;
Стоять, молчать, потужились...
Ужъ ночь давно сошла,
Вошла на небо звѣздочки,
А слѣдомъ и луна...

Ну! лѣшій, въ ротъ-те ситнаго,
Какую, братцы, шуточку
Надъ нами подутьи!
Вѣдь мы, поди чай, отъ дому
Верстъ тридцать отошли.
Назадъ домой воротачись,
Усталы—не дойдемъ.
Давайте зѣлы, товарищи,
До утра отдохнемъ!.

Савлявъ бѣду на лѣшяго,
Повѣлъ лѣсомъ, при дороженькѣ,
Услысь мужички,
Зажгли костеръ, любятуюся,
Какъ огонекъ горитъ.
Сначала всѣ крипилися,
Боялись слово вымолвить,
Да чешется языкъ...
Поплы съ собою хлѣбушка,
Поплы и заспорили,
Опять: кому живется весело,
Волгоотно на Руси?

Иванъ кричить: помѣщику,
Демьянъ оретъ: чиновнику,
Лука твердитъ: попу,
Купчинъ толстопузому,
Воплетъ братья Глуповы;
Пахомъ оретъ свое.

Забрало плучъ прежняго
Задонскы мужиковъ,
Ругательскы ругаются,
То хать тутъ вспоминается,
То кое-что еще...
Одно лишь и осталось:
Того гляди, что выльются
Другъ другу въ волосы...
Гаяля... ужъ и вѣтнялися...
Иванъ тузить Пахомушку,
Демьянъ тузить Луку,
А два брата Глуповы,

Савлявъ Тараса на землю,
Утожать подъ бока.

Отъ шума, гама выкриковъ
Проснулось эхо гулко,
Пошло гулять—погулявъ,
Пошло кричать—покрикивавъ,
Все больше подзадоривать
Упрямѣвъ мужиковъ.
Помѣщику! Помѣщику!
Попу! попу! попу!.

Всѣ звѣри перетрусилися,
Какъ поднялся содомъ,
Скорѣе приниуслися
И всѣ изъ лѣсу вонъ.
Лишь воронъ, птица удамая,
Однѣе не улетѣлъ,
Къ дерущимся, чтобъ видѣть все,
Поближе прилетѣлъ,
Приснѣлъ, сидитъ на деревѣ
У самаго костра,
Сидитъ да чорту молится,
Что-бъ до смерти ухлопая
Котораго-нибудь!

Да лиска хрибурбая,
Звѣрота очень хитрая,
Изъ лѣсу не пошла,
По любопытству бабьему
Подкрасалась къ мужикамъ,
Послушала, послушала
И чорть пошла, подумавшись:
„И чорть ихъ не поймаетъ“.
И надо думать, спорники,
Едва ли сами поминили,
О чемъ они шумять...

Намявъ бока порядочно,
Наставивъ фонарей
Другъ другу, образумились
Крестяныя наконецъ,
Изъ мужики ирванисья,
Умылись, осѣялись,
Скорѣй перекрестилися
И спать всѣ улеглись.

Когда же зорька красная
На небѣ занялася,
Свободная головушки
Проснулись всѣ заразъ.

„И што мы, люди добрыя“,
Сказалъ мужикъ Тараса,
„О чемъ вчера шумѣли-то,
Такъ просто все счасъ!
Всѣхъ лучше жить помѣщику,
Ты баялъ, братъ Иванъ?
А ты, какися, чиновнику
Сказалъ, мой другъ Демьянъ?
Попу живется весело—
Тово слова Лука;
А вы, братья милые,
Купчинѣ толстопузому!
А вотъ таперъ послушайте,
Што я скажу счасъ...
Вольготнѣй баринъ Керенскій,
Конешно, всѣхъ живеть,
Онъ и въ дворцѣ пристроился,
И сладко ѣсть и пѣсть.
А дальше... всѣ смеяетъ:
Товарищу, рабочему,
Бѣжавшему солдатку
Съ позоромъ отъ войны.
Товарищи, рабоче!
Повѣтъ, шумять, гудять,
Надумаютъ—работаютъ,
А чуть не захотятъ,
Струментники на полочки,
Во рту у всѣхъ цыгарочки,
На митингу идуть,
„Давай“,—кричатъ—подваливая,
Купчина, толстопузый ты,
Намъ денежекъ вагонъ!
Давай намъ всѣмъ по тысячѣ,
Такъ будемъ работать,
А нѣтъ, ставай, проваливай,

какъ кошъ, самъ работай!
Пожижся, поежжися,
бучина толстосумъ,
сидяишъ, и распоясишъ;
грязнеть своей машиной;
И катеньки посылаешъ
Одна встѣтъ за другой.
Вотъ вамъ, мои родители,
Товарищи, работнички,
За дѣло получай!"

"Давно бы такъ, кучинишка,
Всегда сама выручалъ."
"А какъ-же за прогулы-то
Ребѣта-молодцы?"

"Ну, батенька, хвятился ты
Искать въ водѣ концы"...
Солдатику-товарищу?"

"По прежнему — служивому",
Еше того вольнѣй!

Начальствѣ не вѣдаешь,
Себѣ самъ енарль;
Захочетъ, дѣло дѣлаешь,
Не хочеть, наплеваешь.

Чуть утро начинаешъ,
По улицамъ шатаешъ,
Али въ садахъ бѣтаешъ,
На травкѣ подъ кустомъ.

Лежеть себѣ на травушкѣ
Да съмечки грызешъ,
То спичку къ солнцу выставишь,
То пузо повернешъ,

Ему тепло и весело,
И горе не беретъ..."

Стойтъ крестьяне слушають,
Что бѣитъ имъ Тарасъ.
"Ну, кто галеръ, по вашему,
По совѣсти скажи.

Живеть волгоотно, весело
На матушкѣ-Руси."
Да, знаю, што товарищи,
Рабочие, солдатики,
Вотъ гѣ, што въ городу.

Такъ, вѣрно, имъ написано
Ужъ было на роду!

"А спорили! задорились!
Чуть ребра имъ не выщипали,
На драку лѣзли а бѣ,
Другъ друга пошарапали;

Волосья повывергали,
Наставили фонариковъ,
А все изъ-за чего?"

Стойтъ, сонякъ, потупились,
Въ затылкахъ всѣ скребутъ.
Потомъ всѣ распростлались,
Другъ съ другомъ помирились
И по домамъ пошли.

Лишь только на прощаньи,
Смахнувъ слезу рукой:
Сказали: "жалъ нѣтъ водочки,
Хвятишь бы по одной!"

Азъ.

Думы про московское совѣщаніе.

Все, несомнѣнно, съ нетерпѣніемъ ожидали,
Что грядедемъ начавшагося 12-го августа чрезвычайнаго московскаго совѣщанія будетъ рѣчь
министра-гражданина Керенскаго.

Вѣдъ думали, что на чрезвычайномъ совѣщаніи и рѣчь будетъ чрезвычайной.
Но, какъ-же, всѣ русскіе ожидали, такъ и слышавшіе эту рѣчь, непосредственно изъ устъ
министра-гражданина, такъ и перечитывавшіе ее по газетнымъ отчетамъ, въ своемъ ожиданіи разочаровались.

Рѣчь министра-гражданина получилась
распылчатой, плохо склеенной, а главное —

* Конечно, не всѣмъ солдатамъ живется весело,
Многіе изъ нихъ, или на защиту родины, или иначе
въ достояніи и оживительно разгорялись, въ то время
изъ дому, трудящую машиной, преспокойно ознакоми-
лись съ тѣмъ и занимаются своими дѣлами.

малопонятной.

Министръ-гражданинъ въ теченіе, какъ передають газетѣ, ста минутъ кому-то угрожалъ
исевокомными карами, жалѣемъ и кровью,
но кому именно и для чего, — объявляю остал-
ость непонятной.

Засиравшіе рѣчь министра-гражданина
корреспонденты передають, что рѣчь эта была
съ паузами, часто сопровождалась нечеловѣ-
ческими звуками...

Въ оправданіе министру-гражданину стави-
тъ то, что онъ произносилъ ее экспромпту,
заготовивъ въ умѣ своемъ предварительно од-
ну только тезау рѣчи.

Но это не оправданіе. Совѣщаніе въ Мос-
квѣ не митингъ, а совѣщаніе, гдѣ каждое
слово нужно ставить въ строку.

Послушать рѣчь Керенскаго съхлѣанъ въ
Москву не только лучше люди Россіи, но и
представители совнѣщанъ съ нами держака.

Подготовитесь съ рѣчью къ этому со-
вѣщанію съдѣвало бы поосеовательнѣе.

Рѣчи другикъ министровъ, произносимыя
при открытіи совѣщанія были слабы и несо-
держательны.

Нѣкоторое исключеніе составляетъ рѣчь
министра финансовъ Некрасова, благодаря
обнарожденію въ ней совершенно неожиданныхъ
для объявителей Россіи фактовъ,

Оказывается, что
нашъ революціонный строй обходится
какаячешью дороже старому. Одни только
продовольственные комитеты будутъ стоить
500 мил. руб. въ годъ* (П. В. № 14852).

Полмиллиарда въ годъ одинъ только продо-
вольственные комитеты, наши продовольствен-
ныя управы!

Неудрово!
Неудрово! когда приходишь въ нашу про-
дольственную управу, въ этотъ муравейникъ
товарищевъ, видишь у всѣхъ счастливыя и
довольныя лица.

Призраки голода ихъ совершенно не пуга-
ютъ.

У корита, наполненнаго полмилиардомъ
коробочекъ, прохронится можно прекрасно
и не въ такіе голода.

Пирогъ и мыши.

Басня.

Въ буфетѣ на столѣ стоялъ пирогъ,
И крысы старая пирогъ тотъ ѣли жадно.
Пирогъ хотъ былъ великъ, все-изъ убывалъ
иригато;

Но жирный, лакомый кусокъ
Не менѣе, чѣмъ кристъ, мышей голодныхъ
въекъ.

Составишь заговоръ, онѣ неожиданно кучей
Набросались на старухъ крысъ,
Прогнали ихъ — помоги имъ въ этомъ случай —
И ѣсть пирогъ ихъ провернѣй принался!

Мораль есть въ баснѣ этой, но едва ли
Смыслъ сей морали...
Хотъ въ нами дѣтъ свободная печать,
Удобно будетъ объяснять. („Н. Вр.“)

Городская жизнь.

„Деревое“ нападеніе.

Въ одинъ изъ недавнихъ дней членъ солд-
едъ г. Виткерь, подходя ко дворцу свободы
подвергся нападенію, собаки.

Не растерявшись, г. Виткерь вооружился
револьверомъ (очевидно всегда находившимся
при немъ) и выстрѣлялъ въ собаку. Одною,

пуля не попала въ злодѣйскую гѣбъ (г. Вит-
керь оказался не важной битвой), последо-
валъ второй, а затѣмъ и третій выстрѣлы и все
напрасно. Вышше попенуею товарищ
попснншанъ на иричуну также съ револьверомъ;
но и эта вспомогательная стрѣльба уда-
ляла отъ него.

Неизвѣстно чѣмъ-бы кончилось это сраженіе,
если-бы не нашелся герой-солдатъ, который
ударомъ полна не декардировалъ это
собачье покушеніе на неррикосновенность.
Собака была убита.

Такъ было подавлено собачье безответствен-
ное „контръ-революціонное“ выступленіе.
Теперь товарищи набѣрнее обратятъ вни-
маніе на собачью націю.

Боевое крещеніе.

Въ Нижнемъ произошло необычное въ исто-
рию города происшествіе: вновь избранный
городской головою товарищъ Ганчель, будучи
прижатъ въ уголъ, былъ избитъ толпой граж-
данковъ.

„Волгарь“, сообщая объ этомъ событіи,
что если-бы солдатами Ганчель не было выр-
ванъ изъ рукъ толпы, то могло случиться
несчастье...

По нашему же мнѣнію никакого несчастья
не было-бы, а произошло-бы только то, что
происходитъ у двоекъ ироньевъ въ шапки,
когда одинъ другому загноитъ даму въ уголъ.
Вотъ и все.

Въ общемъ тяжелая шапка городского
дѣла если по ней накладывать, а если да-
же побѣять также и дальше, то „высокая“ часть
изборни неавиана.

На первыхъ же порахъ и рукоприкладство.
Отъ ужъ эти контръ-революціонеры! Патен-
тованные озорники!

Наивнѣ-свобода.

Начальникъ милиціи полковникъ Степановъ
объявлять:

„Объявляю для свѣдѣній, что въ виду по-
явившихся поддѣлокъ моей служебной ма-
стичной печати форма таковой съ 13 сего авгу-
ста мѣняется“..

Съ такой свободой даьше идти нелуда и
пожалуй можно дождаться, что поддѣлаютъ и
самого начальника милиціи!

„Объясненіе“.

Городская продовольственная управа обя-
зывается:

„Управа доводитъ до свѣдѣній гражданъ,
что отпускъ вмѣсто хлѣба ржаной муки не
производился потому, что не только не было
еще сколько-нибудь достаточныхъ запасовъ
ее, но даже не хватало для отпуску пемарій“..

Хотъ муки было и хватало, но она, слава
Богу, оказалась чужесыннею свистомъ; у мино-
торныхъ баткарей чешеный хлѣбъ, какъ на зло
оставался частью для затравки для!

Управа общаешъ муку выдывать вмѣсто
хлѣба хотъ на-денъ на-два при первой же
возможности.

Дай-то, Господи! авось будетъ полече!

Разгромъ Таврическаго дворца.

Послѣ отъѣзда Совѣта раб. и соц. деп.
Таврическаго дворца оказался совершенно
разгромленнымъ. Похищены не только чер-
нильницы и письменная принадлежность, но
и цѣныя вещи Екатерининской эпохи и рели-
квины, связанныя съ существованіемъ Гос.
Думы. Исчезла книга поэтическихъ постигателей,
въ которой расписывались члены царской
семьи и высокопоставленные иностранные
гости. Выграденъ книги торжественныхъ со-